

Tania BERKOVICĀ

«Ящер» как песенно-игровая форма зимнего периода в календарно-земледельческой традиции белорусов

Yashcher as a Song-Playing Form of the Winter Period in the Calendar-Agricultural Tradition of Belarusians

Žiemos dainų ir žaidimų forma „Jaščer“ baltarusių kalendorinės-agrikultūrinės tautosakos tradicijoje

Анотация

Объект исследования – календарно приуроченная песенно-игровая форма «Ящер». Цель статьи – рассмотреть сезонную принадлежность, структуру, семантику и символику «Ящера», определить мелотипы и мелогеографию «Ящера» на белорусских этнических территориях. На основе комплекса методов (структурно-типологический, структурно-семантический, картографический, ареальный) автором предпринимается рассмотрение песенных напевов «Ящера» в аспекте их семантики и структуры, выделяются различные группы и типы напевов, выявляется картина их территориального распределения и ареальная специфика.

Ключевые слова: песенно-игровая форма, игровая оппозиционность, типовой напев, календарный мелос, мелогеография, локус, функция.

Abstract

The research object is the calendar timed song-playing form *Yashcher*. The purpose of the article is to consider seasonal belonging, structure, semantics and symbolics of *Yashcher* and define melodic types and melodic geography of the Belarusian ethnic territories. On the basis of a complex of methods (structural-typological, structural and semantic, cartographical, areal) the author considers the song tunes of *Yashcher* in the aspect of their semantics and structure, distinguishes the different groups and types of tunes, reveals a picture of their territorial distribution and areal specific.

Keywords: song-playing form, playing opposition, typical tune, calendar melodic, melodic geography, locus, function.

Anotacija

Tyrimo objektas – baltarusių kalendorinių dainų ir žaidimų forma „Jaščer“. Straipsnyje nagrinėjamas „Jaščer“ melodijos sezoniškumas, struktūra, semantika ir simbolika, apibūdinami melodikos tipai ir paplitimas Baltarusijos etnografiniuose regionuose. Remdamasi kompleksiniais metodais (struktūriniais-tipologiniais, struktūriniais-semantiniais, kartografiniais, arealiniais), autorė aptaria „Jaščer“ dainų melodijas jų struktūros ir semantikos aspektais, išskiria skirtingas melodijų grupes ir tipus, išryškina jų teritorinį paplitimą ir arealinę specifiką.

Reikšminiai žodžiai: dainų ir žaidimų forma, žaidybinių opozicijų, tipinė melodija, kalendorinis melosas, melogeografija, *locus*, funkcija.

Введение

В контексте календарно-песенной культуры игра представляет одну из наиболее масштабных универсалий. Она принадлежит к числу факторов, глубинно связанных со строем ментальности этноса и проявлениями звукотворчества.

При всём разнообразии преломления игровой основы в календарно-земледельческом фольклоре белорусов, до недавнего времени игровые формы, обрядовые и необрядовые, не получали специального рассмотрения. Независимо от степени и характера музыкального оформления, они рассматривались в блоках

исследований, посвященных календарно-земледельческому фольклору, праздникам сезонной приуроченности и отдельным жанрам календарно-земледельческого музыкального творчества.

Внимание к обрядово-игровым формам песенного фольклора как особому типологическому ряду в системе календарно-песенной культуры (З. Можейко) позволило в условиях системного и комплексного подходов выявить специфичность места обрядово-игровых песенных комплексов в представлениях носителей традиционной культуры.

Проблема игровых ритуальных и внеритуальных форм белорусской традиционной календарно-земледельческой

песенной культуры постепенно занимает в славистической этномузыкологии место, адекватное значению и масштабу этого явления.

В календарно-земледельческой традиции белорусов песенно-игровая форма «Ящер» принадлежит к той сфере празднеств зимнего солнцеворота, которая обычно трактуется в качестве периферийной по ритуальной значимости. «Ящер» – наиболее семантически значимая игра зимнего времени, которая вобрала в себя типовые признаки этой сферы.

Проблема сезонной закреплённости «Ящера» предстает тем более остро, что в календарной практике белорусов эта песенно-игровая форма не имеет такой определенности возобновления, как колядные игровые «Вождение Козы» и «Женитьба Терешки». Этот факт подтверждают современные комплексные (в том числе этномузыкологические) фиксации «Ящера». Описания «Ящера», вошедшие в масштабные этнографические собрания последней трети XIX в., также не позволяют однозначно определить место закреплённости «Ящера» в календаре.

Цель данной статьи – рассмотреть сезонную принадлежность, структуру, семантику и символику песенно-игровой формы «Ящер», определить мелотипы «Ящера» и их географию на белорусских этнических территориях. На основе комплекса методов (структурно-типологический, структурно-семантический, картографический, ареальный) предпринимается рассмотрение песенных напевов «Ящера», их семантики и структуры, типологического единства и мелогеографии.

Большинство известных записей свидетельствует о приуроченности исполнения «Ящера» к зимнему времени, а более точно – ко времени коляд (Карский 1916: 148; Романов 1912: 125; Сербов 1915: VI; Шейн 1874: 340; Шейн 1887: 112). По описанию П. Бессонова, игра «Ящер» входила в состав игрищ, которые развёртывались во время белорусской Коляды и составляли ее характерную особенность. Исследователь отмечает: «Постепенно богатые содержанием, которое от основ мира и обряда обращается уже к явлениям обычной жизни, игры эти делаются своеобразными представлениям, сопровождаются... песней; в этом смысле ими усвоено особое имя – игрища» (Бессонов 1871: 95).

В одном из самых развёрнутых и интересных по содержанию описаний «Ящера», сделанном в деревне Беличе Лидского повета М. Федоровским, находим следующее: «Игра в так называемого «Яшчура» играется тут только раз в год, во время Коляд, в период между Рождеством и Крещением, и происходит обычно поздно вечером в корчме или наибольшем в целой деревне доме» (Federowski 1897: 316–318).

Современные фиксации Г. Ширмы (Беларускія народныя песні 1962: 283), Л. Мухаринской (Зімовыя

песні 1975: 594, No. 177), З. Можейко (Мажэйка 1981: 28) и других исследователей-фольклористов и этномузыкологов подтверждает колядную принадлежность действия. Закреплённость игры за «Новогодней Колядой» зафиксирована также Е. Розумовской в южной Псковщине (Традиционная музыка Русского Поозерья 1998: 22).

Часть этнографических описаний свидетельствует о незимнем или не только зимнем приурочении «Ящера». Так, вариант игры («Яшчур» или «Яшчэр»), зафиксированный А. Богдановичем в Борисовском повете Минской губернии, возобновляется в этой местности «зимой в доме, весной на лугу»; причем зимой, по уточнению собирателя, играют «на святках или в мясоед» (Богданович 1995: 93). О приуроченности игры к «мясоеду» («играли так, как мясоед, в доме») сообщают информаторы из Логойского района Минской области¹. На Могилёвщине (Восточная Беларусь) наравне с колядной приуроченностью «Ящера» известно его бытование в форме хоровода, который «водили на Масленку» (деревня Заозерье Бельничского района) (Традиционная мастацкая культура беларусаў 2001: 514).

Двойственность зимне-весенней приуроченности можно расценивать как свидетельство сезонной незакреплённости и, соответственно, интересного функционирования игры.

Как один из самых интересных по характеру календарной приуроченности выделим вариант «Ящера», который был зафиксирован нами с комментарием об исполнении во время передколядного поста². Информатором он определялся как хоровод, имел признаки разрушения и потери регулярности возобновления в традиционной местной практике.

«Раньше, – рассказывает Валентина Петровна Сидорович (1923 г. р., родом из д. Лесково), – хороводы играли. Это не на Коляды, а перед Колядами, в пост. При мне уже не было. Так, соберутся... Ящера сажали посередине, а вокруг него все ходили, за руки взявшись, и пели:

Сядзі, сядзі, Яшчар,
Гэй, на моры!³
На золаця крэсла,
На шчаслівым месця,
Пан калёсы точыць,
Ён жаніцца хочыць.
Бяры сабе паню
За белаю ручку,
За русаю коску.»⁴

Что было далее, В. Сидорович вспоминала с трудом. Ее вопросы – «Ящер, может, себе хватал девушку какую?

Может он платок хватал?» – буквально задавались самой себе, «повисали в воздухе».

Проведенная систематизация этнографических фиксаций по данным XIX–XX веков позволяет определить преимущественно колядную (шире – зимнюю) приуроченность «Ящера» (подтверждается на сегодня основной массой фиксаций) при относительной интересезонной подвижности этой игры, с одной стороны, и тенденции выхода ее во внекалендарную сферу – с другой. Подвижность игры в зимне-весенне-летнем пространстве «песенного календаря» связана, в том числе, с переходом бытования игры из юношеской в подростковую и детскую среду⁵: «Теперь в эту игру играют только дети и подростки» (Богданович 1995: 93); «Брались дети за руки, садили Яшчара посередине – выбирали парня какого... Ну, это подростками мы как были, небольшие, тогда эту работу делали»⁶; «В «Яшчара» как-то играли еще, помню. В круг возьмут и ходят. Дети малые лет восемь. Детская игра – и мальчишки, и девочки»⁷.

Интерсезонный характер функционирования «Ящера» обуславливает степень и характер типизации напевов этой песенно-игровой формы.

Зимне-постовая принадлежность «Ящера» привлекает внимание к различным уровням игрового «текста», которые закрепляют антипраздничную знаковость постового времени⁸. Среди таких уровней – мифологическое содержание игры, игровое действие и его раскрытие посредством синкретического комплекса компонентов – пространственного, акционального, хореографического, пластического, вербального, собственной песенного. Инструментальный компонент на материале «Ящера» не выявлен.

Рассмотрение мифологического содержания «Ящера» свидетельствует о присутствии в этом песенно-игровом действии глобальной информации и, вместе с тем, подтверждает символичность игрового действия.

В космогонических мифологиях образ Змея как творца Вселенной универсален. В нем нашли воплощение идеи гигантских сил – преобразователей пространства, дуализма мирового устройства, установления гармонии, которая приходит на смену неупорядоченному Хаосу (Зайкоўскі 1994; Иванов 1994; Иванов 1974). Исследования мифологов показывают, что информация про образование Вселенной сохраняется в змееборческом мифе, который выступает одним из основных в мировой мифологии и разработан в традициях различных этносов (Голан 1994; Иванов 1994). Анализ змееборческого мифа на белорусском материале (В. Иванов, В. Топоров) позволяет рассматривать игру «Ящер» как одну из возможных инсценировок трансформированного мифа. Вместе с тем, благодаря специально проведенному этимологическому исследованию, было выявлено, что змееборческий миф

удерживает универсальную идею амбивалентного единства божеств «верхнего» и «нижнего» миров, а через них – амбивалентную сущность самих миров (Иванов 1975; Иванов 1974).

В свете идеи амбивалентности миров получает объяснение факт возобновления «Ящера» в весенний период земледельческого календаря. Оно тождественно «отмыканию земли» Юрием, а через него, возможно, – почитанию Велеса. Возобновление игры летом совпадает со временем, когда расцвет всех природных сил («добрых», благоприятных и «злых», опасных) достигает своей кульминации. Связь между «верхним» и «нижним» мирами по-своему символически отражает сибирский вариант игры в «Оленя-Ящера», который в календарно-песенной традиции белорусов распадается на две самостоятельные версии одной игры⁹.

Важно и то, что в мифологическом сознании белорусов наравне с амбивалентностью Змея-Ящера наиболее устойчивым выступает представление о нем как змееподобном повелителе «иноного» мира (Серов 1983). Мифологическое содержание игры раскрывается при этом не только через амбивалентность, но и через оппозиционность мира «этого» (живого, культурного) и «иноного» (неживого, природного) – мира предков. Отсюда возникает трактовка игры «Ящер» как трансформации древнего ритуала жертвоприношения девушек Дракону-Ящеру, культ которого считается одним из самых архаических (Голан 1994: 77; Рыбаков 1981: 40). Аналогично ему жертвоприношение девушек древнеславянскому божеству Карачуну, время господства которого приходилось на кульминационный период зимы (Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы 1983: 109).

В исследованиях по реконструкции мифологической символики ритуалов «Ящер» фигурирует как относящийся к системе ритуалов «перехода» (Бернштам 1990) или к женским инициациям (В. Смирнов). Аналогичная символика перехода закрепляется также в свадебном ритуале, где символическое умирание одной социальной личности приводит к рождению другой – новой (Еремина 1991).

Символическое раскрытие названных универсалий происходит в ходе игры и на первом ее этапе («чествование» Ящера девушками), и на втором (жертвенный по смыслу переход каждой из них в царство Ящера). Второй этап акцентирует символический комплекс перехода-«умирания», который возобновляется в одной из форм (игровой) инициального контакта девушки с Ящером и знаменателен своей приуроченностью к солнцевороту как переломному и сакрализованному времени календаря.

Описания игрового действия позволяют не только выявить семантическое наполнение обеих частей игры,

но и уточнить ее жанровый профиль. Вариант игры в описании М. Федоровского отмечен наибольшей подробностью и сохраняет основную модель игрового действия:

«Все без исключения девушки из деревни, собравшись группой, по очереди подходят к окруженному парнями мужчине, который неподвижно сидит посреди комнаты и собственно будет представлять *ящчура*, складывают к его ногам кольца и ленты, платки и бусы. По окончании берутся за руки и образуют большой круг, к кругу скачет *ящчур* при пении:

Сядзі, сядзі, ящчуру. – Лада мая!

На залатом крэслі.

У чырвонай адзежы.

У гарошавым стозі.

Гарошачак лушчыць.

У каробачку сыпле.

Пашлем мы да Коўна.

З Коўна да Кралеўца.

Па белыя гоўцы.

Ці па красну панну.

Ці па русу косу.

Ці па белу ручку.

Ці па золты персьцень.

Бела ручка да нямытая.

Руса каса да не чэсана.

Золты персьцень да не чышчаны.» (Federowski 1897: 316–318)

Описания М. Федоровского, П. Шейна, М. Демидовича, А. Богдановича показывают, что первая часть игры развёртывается в форме хоровода. Как отмечает А. Богданович, «Ящчур садится на чем-нибудь, а возле него девушки, взявшись за руки, образуют *кола*, *танок*, *карагод* и кружатся то в одну, то в другую сторону» (Богданович 1995: 93). Хороводность «Ящера» подтверждается и непосредственными высказываниями информаторов – носителей песенной традиции.

При сохранении в игровом действии хороводного элемента, «Ящер» всё же не был отнесен исследователями к массиву хороводов. На эту особенность указал, в частности, А. Богданович в классификации колядных игрищ. В соответствии с ней, игрище есть, во-первых, собственно игры, куда отнесен «Ящер» в ряду таких, как «Золото хороню», «Коза», «Бахарь», «Гусь», «Мак», «Хмель» и др., во-вторых, хороводы, которые «у беларусов оживают только при этих “святковых” игрищах. Душу всему этому влагает особый народный обряд и обычай», – подчеркивает автор (Богданович 1995: 95).

Кроме специфически хороводных средств в пластическом оформлении игрового действия «Ящера» выразительно проступает плясовая элемент. В частности, символическая жениться Ящера может получать

танцевальное оформление: «В некоторых местностях он (Ящер), взяв девушку за руку, несколько раз кружит возле себя и тогда снимает венок» (Богданович 1995: 94). Когда же девушка получает венок, то пляшет возле ящера и поет:

Я свой венчык выплакала,

Я свой венчык выпрасіла,

Я свой венчык выскакала,

Я свой венчык выкупіла.

А хор подпевае:

«Ладо, ладу, ладо, ладу.» (Богданович 1995: 95).

И. Сербов при описании празднования зимнего солнцеворота у белорусов-сакунов приводит следующее: «Авсень, как известно, сливается с праздниками нового года, накануне которого в одних местах водят козла, а в других вместо этого ходят снова-таки щедровики. Кое-где сохранился очень интересный хороводный танец – Ящчур. Молодежь собирается в «коло», танцует и поет Ящчура» (Сербов 1915: VI).

Таким образом, характер песенной партии хоровода почти целиком определяет образно-эмоциональный строй первой части игры. Это – атмосфера праздничного торжественного величания, которая связана с движением хоровода (кинетический код) и раскрывается на уровне музыкальной символики напева (акустический код).

Однако звукообраз праздничного славения не исчерпывает целиком семантики «Ящера». Игра уже в пределах первой части включает оппозицию песенно-пластического воплощения девичьего хоровода и Ящера. Подвижности хороводного круга противопоставляется неподвижность главного героя: его сажают на заслонни [«в золотом кресле»], а после переносят на руках в «красный угол» («на покуць») (Народны тэатр 2004: 170). Более того, в отличие от хоровода герой-Ящер не имеет звукового воплощения в виде особого «голоса».

Такие характеристики мифологического персонажа, как неозвученность («немота») и пластическая неочерченность, выразительно раскрываются в свете символики игры в следующей, второй части «Ящера». Ее содержание составляет выкуп девушкой своего «венчика». Вот один из типичных вариантов:

«Тогда начинается выкуп венков. Одна из девушек выходит из круга, кланяется ящчуру и поет:

Пане ящеру, паночик,

Атдай жа мой вяночик!

Зиму, лето хадзила,

Ручки-ножки сцирала,

По красочцы збирала,

У вяночик звивала;

Я ат татки ховалася,
Я ат мамки тулялася.
Пане яшчуру, паночик,
Атдай жа мой вяноччик!
Яшчур требует выкупа:
«Поцелуй меня, говорит, так отдам.»

Или, если ему девушка не нравится, то заставляет ее плакать, плясать, больше просить.» (Богданович 1995: 94)

Выкуп «венца» может осуществляться парой девушек: «две девушки оставляют круг и, взявшись за руки, подходят к яшчуру, и раз за разом низко кланяются, исполняя песню перед ним по очереди» (Народны тэатр 2004: 168). Или поют все вместе: «Девушки становятся в ряд около противоположной стены и, взявшись за руки, идут к яшчуру с песней» (Народны тэатр 2004: 170).

Музыкальная семантика игры связывается с обязательным символическим испытанием девушек – «выплакиванием» каждой из них своего «венчика». Как показывают приведенные описания, формы испытания могут быть самые разные. Они включают плач, запрет смеха, поцелуи, пение и пляску. Согласно П. Шейну, игровому испытанию подвергаются наравне с девушками и замужние женщины: «Маладухи (замужние женщины) и девушки несут яшчура на скамейку; он заставляет их плясать: кто исполнит его желание, получит от него подарок и поцелуй» (Шейн 1874: 341).

В мифологическо-обрядовой системе испытание смехом (плачем) выступает формой, наивысшей по степени символической ёмкости и обобщенности; в контексте же игры «Ящер» семантика немоты и запрет смеха трактуется как признак принадлежности антимиру и антипространству¹⁰. Инициальное нахождение в антимире Ящера требует от участниц игры инсценирования смерти. При этом символично закрепленный переход в «иной» мир связан для играющих с отказом от смеха. Наравне с символическим запретом смеха в напевах второй – «печальной» – части игры в некоторых вариантах «Ящера» смех запрещается и во время игрового действия.

В описании игры К. Мошинского приведен разговор, который происходит между Ящером и парой девушек. В продолжение ее ни одна из девушек не должна засмеяться:

Ящер: – Зарезал ли отец вола?
Девушки: – Зарезал.
Ящер: – А хвост какой?
Девушки: – Как лопата.
Ящер: – Можно ли идти за хвост и за тот тянуть?
Девушки: – Тяни, куда хочешь! (Народны тэатр 2004: 178)

Характерно, что во время нахождения в «царстве» Ящера сам главный герой может получать словесную или даже песенную (в исполнении девушек) партию (Зімовыя песні 1975: 594, No. 177).

Внутреннюю структурно-семантическую оппозиционность «Ящера» обостряет функционирование игры в эмоционально полярных сферах зимнего песенного календаря (адвент, Коляды). Названный фактор делает правомерным рассмотрение в свете оппозиционности игры всего корпуса принадлежащих «Ящеру» напевов.

В соответствии с двухчастной композицией «Ящера», в которой символически обобщаются две образные сферы – «воспевание» главного героя и «жалоба»-просьба девушки, – напевы образуют две группы, каждая из которых имеет свой комплекс жанрово-стилевых и музыкально-стилистических признаков.

Специальное рассмотрение напевов «Ящера» с позиции как более общих, типизированных, так и местных особенностей связано с вопросом его распространения на территории современной Беларуси и ее пограничье.

Представление о географии «Ящера» как песенно «означенного» действия на территории Беларуси дают, во-первых, этнографические описания и песенно-поэтические фиксации, во-вторых – собственно музыкальные «тексты».

Согласно этнографическим данным, ареал «Ящера» охватывает достаточно большую территорию Беларуси. Наиболее полно в этнографическом плане представлена центральнобелорусская территория (Воложинский, Борисовский, Копыльский, Крупский, Логойский, Минский, Несвижский, Столбцовский, Узденский рр.). Известны фиксации из западного (Лидский р. Гродненской обл.), северного (Чашникский, Лепельский, Россонский, Лиозненский рр. Витебской обл.), восточного (Быховский, Мстиславский рр. Могилевской обл.) регионов Беларуси. Внимание к южнобелорусской территории в связи с распространением «Ящера» привлекают записи К. Мошинского из д. Дяковичы, что на «восточном Полесье»¹¹ (Moszyński 1928: 234–235), И. Сербова из «верхнего Полесья, на границе Игуменского и Бобруйского поветов Минской губернии»¹².

Корпус напевов «Ящера» включает записи из деревень Мядельского, Логойского, Борисовского районов Минской области, Ошмянского и Островецкого районов Гродненской области, Верхнедвинского, Браславского, Поставского и Докшицкого районов Витебской области. Мелогеографию «Ящера» расширяют фиксации из Пружанского и Ивацевичского районов Брестской области (по материалам экспедиций Белорусской государственной академии музыки 2004 и 2013 гг.), Глусского, Кировского (Ященко 2002: 11), Бельничского (Традиційная мастацкая культура беларусаў 2001: 514) районов Могилевской области.

Один из первых образцов напевов, который помещен в сборнике Л. Чарнявской «Дзяціныя гульні» (Вильня, 1919), не имеет данных про место записи. Остальные образцы точно паспортизованы. Среди них – записи Л. Мухаринской (Зімовыя песні 1975: 594, No. 177), З. Можейко (Мажэйка 1981: 403, Зімовыя песні 1975: 594, No. 220), В. Трайковской (Беларускі фальклор у сучасных запісах 1995: 133, No. 180), Л. Костюковец (нотные примеры 4, 6), автора данной статьи (н. пр. 1, 2, 5, 9). Впервые вводится в научный обиход песенный образец, записанный И. Назиной в деревне Гайна Логойского района (н. пр. 3). Дополняют музыкальную коллекцию «Ящера» сведения про существование игры в Шарковщинском районе Витебской области. Не так давно нам стала доступна публикация напевов «Ящера», относящихся к юго-восточным административным районам Литовы (Lietuvių liaudies dainynas 2007: 386–393, No. 220, 221). Все известные данные позволяют очертить западную часть Белорусского Поозерья и североное Понеманье как территорию наиболее полной сохранности песенной формы «Ящера» в ее именно зимнем приурочении. В центральной Беларуси и на Поднепровье характер распространения «Ящера» точечный¹³.

Мелодический строй напевов первой эмоционально-образной группы (н. пр. 1–6) свидетельствует о принадлежности «Ящера» к сфере хороводно-игрового славения. В качестве наиболее яркого жанрово-определяющего признака выступают словесные формулы рефрена «Гэй, нам, гэй!», «Гэй, на моры!», «Ладуладу!». В зависимости от синтаксической функции рефрена в песенной форме можно выделить три ее разновидности: 1. AR (рефрен дополняет полустихище до строки); 2. ABRR (рефрен замыкает поэтическую строку); 3. ABRB (рефрен включен в поэтическую строфу). В основе песенной структуры лежит 6-сложник и устойчивая музыкально-ритмическая формула:

Мелодико-интонационное соотношение рефренной и нерефренной частей напева не контрастное: в большинстве известных образцов рефрен мелодически не выделен из общего течения напева. Песни интонируются в приподнятой, но «неголосной» манере, окрашены речевой интонацией проговаривания-скандирования.

В первой группе напевов по комплексу признаков (форма стиховой и мелострофы, слоговая структура

стиха, музыкально-ритмическая форма) выделяются три песенно-мелодических типа.

Напевы типа I (н. пр. 1–4) объединяет лаконичная песенная форма AR, слоговая норма стиховой строки – 6+R 4₃. Рефренная зона напевов наиболее ритмически вариантна:

Напевы типа I имеют наиболее широкую географию в пределах северобелорусской этнопесенной традиции (см. Карту). В ареале типовых напевов наиболее выразительно очерчен локус, включающий запад Витебского Поозерья, север Гродненского Понемонья и восточную часть Дзуккии. (В остальных районах ареала напевы представлены точно.)

Лаконизм песенной формы типа I известен на материале колядных и волочebных напевов, бытующих в северо-западной части Белорусского Поозерья (Зімовыя песні 1975: 545, No. 63). Более того, в западно-поозерско-дзукском локусе прослеживается общность напевов «Ящера» типа I с колядными напевами, имеющими такую же слоговую и музыкально-ритмическую структуру. Среди песенных текстов, закреплённых за колядными этой группы, устойчиво прослеживается сюжет о выборе пары (парень ходит по хороводу и выбирает девушку), что позволяет говорить о близости их хороводно-игровой сфере. В системе календарного мелоса Белорусского Понемонья данный колядный тип рассматривается Т. Варфоломеевой как «местный напев» (Варфоломеева 1998: 6, 274). Между тем карта распространения напевов, приведенная Аушрой Жичкене в статье «Мультикультурные связи: обрядовые песенные мелодии востока Литвы и северо-запада Беларуси», позволяет уточнить представление об их ареале и указывает на территориальную общность напевов – колядного и «Ящера».

Напевы типа II (н. пр. 5, 6) имеют форму поэтической строфы ABRB, форму мелострофы AABV либо AVAV. Слоговая норма стиха – 12-сложник с цезурой посередине и двухколенным рефреном на основе повтора второго полустихища (6+6)+R(4+6).

Как показали наблюдения, в песенной традиции Ошмянщины (северная часть Белорусского Понемонья) напев «Ящера» типа II по мелодическому содержанию и принципам структурирования близок к одному из типов колядных поздравительных напевов с силлабической нормой стиха (6+4)+R(5+4). Отличие поздравительного и игрового напевов по функциональному признаку не отражается на их мелодической форме и исполнительском решении. Более того, единство тематического комплекса, в основе которого лежат брачные мотивы, объясняет подмену в процессе исполнения рефренной формулы «Гэй нам, гэй нам» в третьей строфе ошмянского напева «Ящера» рефреном из песенно-колядного поздравления девушке, словесная формула которого «Вой, рана-рана» (н. пр. 7).

Знакомство с публикациями по материалам этномызыкальных традиций Псковщины, а также изучение архивных аудиоматериалов Смоленской коллекции РАМ имени Гнесиных показало, что напевы «Ящера» в восточной части северобелорусского ареала представлены точно. Наряду с напевом типа I тут был зафиксирован напев более развёрнутой формы (поэтическая строфа ABRR, мелострофа AABV), суммирующий характеристики первого и второго типов (Традиционная музыка Русского Поозерья 1998: 22, No. 7).

Напев «Ящера» из Бельничского района Могилевской области известен в единичной фиксации (Традиционная мастацкая культура беларусаў 2001: 515, No. 242) и рассматривается нами как «местный». В основе напева лежит форма поэтической строфы ABR, форма мелострофы АВ (где А – аа¹, В – ба²). Ритмический облик напева определяет находящаяся в зоне рефрена ритмофигура «антиметаболы» (К. Квитка):

Не только ритмическая сторона, но и ладово-интонационный «рельеф» бельничского напева свидетельствуют о задействовании в песенно-игровом пространстве «Ящера» масленичного мелоса. Подтверждением этого является указание на двойственную – колядно-масленичную – приуроченность «Ящера» на Могилевском Поднепровье (Традиционная мастацкая культура беларусаў 2001: 514).

При том, что «Ящер» в восточнобелорусском регионе представлен точно, исследователь хороводной традиции Могилевского Поднепровья В. Яценко использует его для номинации отдельной типологической группы колядных хороводов, отмечая характерную для

нее ширину диапазона интонационных и хореографических трансформаций в виде трёх версий основного типа: собственно игровой («Яшчар»), песенной («Хаджу я, гуляю») и танцевально-плясовой («Ляцелі дзве пцічки») (Яценко 2002: 11).

Сохранность ритмо-структурной модели и, вместе с тем, разнообразие вбирающих ее слогоритмических форм прослеживается во многих приуроченных к колядному периоду хороводных и игровых напевах. Наиболее полная коллекция их помещена в академическом издании «Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі» (Зімовыя песні 1975: No. 189, 197, 198 и др.):

Еще один важный вопрос – интонационность напевов «Ящера» в контексте колядно-поздравительного песенного пространства. По своей интонационности песенно-игровые формы западного Поозерья приближаются к речитативным колядным напевам, встречающимся на всей территории Беларуси (н. пр. 8). Специфику напевов данного типа составляет речевая интонационная природа. «Напевы этой разновидности, – отмечает З. Можейко, – представляют собой своеобразные припевки-приговорки, скороговорково-игровая интонация которых сочетается с ритмикой танцевального характера» (Мажэйка 1975: 47). В таком контексте танцевальность «Ящера», интуитивно «схваченная» рядом наблюдателей и отмеченная некоторыми исследователями на образно-эмоциональном и пластико-хореографическом уровнях (Алексютович 1978: 431; Сербов 1915: VI; Чурко 1990: 101; Яценко 2002: 11), получает дополнительные и чрезвычайно весомые собственно музыкально-ритмические аргументы.

Во второй («инициальной», с жалобой-просьбой) части «Ящера» целиком господствует противоположный коллективному славению полюс, за которым – мир «иной», и, соответственно, его антимызыкальная знаковость. Все существующие этнографические описания подтверждают аморфность музыкальной структуры игры во второй ее части выкупа «венчика». На необязательность песенно-музыкального оформления выкупа «венков», который может сохранять только типовую словесно-поэтическую форму, указал, в частности, К. Мошинский (Народны тэатр 2004: 178). Есть случаи, когда этот этап не получает даже словесного оформления или вообще не выделен в структуре игрового действия (Народны тэатр 2004: 180; Шейн 1874: 341). Можно

предположить, что подчеркнуто внепесенное оформление второй части «Ящера» средствами акционального, словесного или же смехового является не чем иным, как результатом табуации живого «голоса» в месте господства мифического Змея-Ящера. Это своеобразное проявление сакрализованности позволяет понять, почему анализ напевов второй группы имеет объективные трудности – музыкальных образцов тут немного.

Вместе с тем напевы, принадлежащие ко второй группе, обнаруживают стилевую однородность. Хотя достаточно сложно говорить об их типологической целостности на уровне комплекса признаков, все же анализ материала показывает единство музыкально-семантического наполнения этих различных по мелодико-ритмическому проявлению напевов.

Напевы второй группы объединяет безрефренная песенная форма, что подчеркивает антитетичность их в отношении к напевам первой группы. Характер славения, который раскрывается в первой части «Ящера» в значительной степени благодаря приподнятости интонирования рефрена, сменяется во второй части игры противоположными чувственно-эмоциональными красками.

Два образца, которые были записаны Л. Мухаринской в Мядельском районе Минской области, имеют различную форму ритмической организации. Первый из них («за «фантами» идут парами и поют», по замечанию собирательницы) имеет одностроичную форму АВ, тождественную на уровне текста и напева (Зімовыя песні 1975: 594, No. 177 / II). Напев имеет 8-сложную норму стиха с цезурой посередине – 4+4. Музыкально-ритмическая формула имеет периодическое затягивание каждого второго слога:

Второй напев (Там же, No. 177 / III), при той же мелодической форме, основан на ритмоформуле «колядного» 5-сложника:

Оба напева имеют квинтово-пентахордовый ладовый комплекс. Характер гибкой мелодической линии приближается к распету произношению.

Иное в сравнении с приведенными образцами интонационное содержание имеет напев из Поставского района Витебской области (н. пр. 9). Его мелодическое становление целиком обусловлено ямбической ритмоинтонацией, подчеркивающей суггестивно-заклинательную направленность музыкального образа. Напев принадлежит к классу «песенных высказываний» (З. Можейко) с их преимущественно речитативным

характером. Близкие ритмические модели на основе сочетания 4- и 5-сложных структур прослеживаются в напевах «Ящера» с пограничных территорий Дзукии (Lietuvių liaudies dainynas 2007: 391–392, No. 221 / IV₁–IV₄). Ямбический 4-сложник как основа целого напева прослеживается и в традиции Монастырщинского р. на Смоленщине.

Поставский р.

Поставский,
Монастырщинский рр.

Варена р.

Массив «песенных высказываний» западного Поозерья включает календарные напевы, в числе которых – волочebные, юрьевские, купальские, «запусные». В них, как и в колыбельных, балладах или псалмах, эпически-мерное «затягивание» слогов становится знаком речевой природы, а иногда и суггестии высказывания. В частности, можно вспомнить балладу про брата, загубленного сестрой, или же псалму про змея-цмока, которые исполняются в филипповский пост и закрепляют образность, характерную для периода поста как «невеселого» времени.

В связи с образностью напевов второй части «Ящера» стоит обратить внимание на интонационность «сиротских» и «суборных» («зборная субота») напевов свадебного ритуала Белорусского Поозерья. Они выступают концентратом лирической образности в сфере свадебной («свадэбнай») интонационности и музыкально очерчивают «обидливую» сторону свадебного ритуала. Напевы такой семантики объединяются одним песенным типом (по Т. Варфоломеевой, тип В–IIa (Варфоломеева 1988: 70)) и основаны на следующей ритмоформуле:

По замечанию З. Можейко, напевы этого типа «получают более песенный или повествовательный характер и отличаются большей мелодической и ритмической гибкостью» (Мажэйка 1981: 26).

Мелодика такого типа наиболее ярко представлена в поставском напеве «Ящера», в котором речитация на нескольких звуках по своему эмоциональному тону почти непосредственно приближается к голошению. Продолжение же этого напева становится образцом полного совпадения эмоционально-образного строя игрового «выплакивания» и суборной свадебной лирики. Более того, для воссоздания игрового «плача» тут непосредственно использован фрагмент, заимствованный из группы упомянутых выше типовых свадебных напевов (н. пр. 10).

$\text{♩} = 107$

1. Ся - дзі, ся - дзі, Я - шчар. Гэй, на мо - ры!

2. На зо - ла - ця кре - сля. Гэй, на мо - ры!

3. На шча - слі - вым ме - сця. Гэй, на мо - ры!

4. Пан ка - лё - сы то - чыць. Гэй, на мо - ры!

5. Ён жа - ні - ща хо - чыць. Гэй, на мо - ры!

6. Бя - ры са - бе па - ню. Гэй, на мо - ры!

7. За бе - ла - ю ру - чку. Гэй, на мо - ры!

8. За ру - са - ю ко - ску. Гэй, на мо - ры!

1 пример. Сядзі, сядзі, Яшчар, гэі, на моры! («раньше хороводы играли», «перед Колядами в пост»). Зап. Беркович Т. Л. в 1993 г. в д. Курополье Поставского р. Витебской обл. от Сидорович В. П., 1923 г. р., д. Лесково (ФЭ, 646487 / 4).

$\text{♩} = 96$

1. Ся - дзі, ся - дзі, Я - шчэр. Гэй, на мо - ры!

2. На вы - со - кім крэ - сле. Гэй, на мо - ры!

3. На шча - слі - вым ме - сце. Гэй, на мо - ры!

2 пример. Сядзі, сядзі, Яшчэр, гэі, на моры! Зап. эксп. Белорусской государственной академии музыки / БГАМ/ под рук. Беркович Т. Л. в 2003 г. в д. Ставрово Браславского р. Витебской обл. от Косач Д. И., 1934 г. р. (ФЭ, 1E55 / 42).

$\text{♩} = 96$

1. Ся - дзіць, ся - дзіць, Я - шчар, гэі, нам, гэі, нам!

2. Ва - рэ - ха - вым ку - сьце, гэі, нам, гэі, нам!

3. А - рэ - ша - чкі лу - шча, гэі, на - м(ы), гэі, нам!

4. Пша - ні - чынь - ку то - ча, гэі, на - м(ы), гэі, нам!

5. Жа - ні - ці - ся хо - ча, гэі, на - м(ы), гэі, нам!

6. Бя - ры са - бе па - ню, гэі, нам, гэі, нам!

7. Ці за бе - ла ру - чку, гэі, нам, гэі, нам!

8. Ці што у пан - чо - шках, гэі, нам, гэі, нам!

9. Ці што ў ча - ра - ві - чках, гэі, нам, гэі, нам!

3 пример. Сядзіць, сядзіць Яшчар, гэі, нам, гэі, нам! Зап. Назина И. Д. в 1996 г. в д. Гайна Лагойского р. Минской обл. от Гринкевич А. М., 1935 г. р. (личный архив собирателя).

$\text{♩} = 137$

1. Ся - дзіць Я - шчар. Ла - ду, ла - ду!

2. Ўзя - лё - ным ку - сто - чку. Ла - ду, ла - ду!

3. А - рэ - шы - чкі лу - шча. Ла - ду, ла - ду!

4. Клі - ча са - бе па - ню. Ла - ду, ла - ду!

5. Йі - на ні - вя - лі - чка. Ла - ду, ла - ду!

6. Ў кра - снах ча - ра - ві - чках. Ла - ду, ла - ду!

7. В ша - ўко - вых пад - вя - зках. Ла - ду, ла - ду!

4 пример. Сядзіць Яшчар, ладу, ладу! («коляды»). Зап. эксп. БГАМ под рук. Костюковец Л. Ф. в 1976 г. в д. Жыцьково Борисовского р. Минской обл. от Селицкой С. С., 1915 г. р. (ФЭ, 2E77 / 8).

♩ = 120

1. Ся-дзі, ся-дзі, Я-шчар, ся-род у-га-ро-ду.
2. Ся-род у-га-ро-ду, па-між ка-ра-го-ду.
Ой, ла-ду, ла-ду, ся-род у-га-ро-ду.
Ой, ла-ду, ла-ду, па-між ка-ра-го-ду.

5 пример. Сядзі, сядзі, Яшчар, сярод угароду («играли в пост великодный в доме»). Зап. эксп. БГАМ под рук. Беркович Т. Л., Козловича М. И. в 1998 г. в д. Дедино Докшицкого р. Витебской обл. от Дайлидович Г. М., 1922 г. р. (ФЭ, 646602 / 161).

♩ = 107

1. Ся-дзі, ся-дзі, Я-шча-р, на зо-ла-ця крэ-сля.
Гэ-й(і) на-м(ы), гэ-й(і) на-м, на зо-ла-ця крэ-сля.
2. Вы-бі-рай ты-па-нну, ка-то-ра-ю хіт-ся.
3. Вот ён вы-браў па-нну, вы-браў са-бе О-лю.
Вой, ра-на, ра-на, вы-браў са-бе О-лю. (смакца)
4. У-зяў за ру-чо-нку і па-вё-у у кар-чо-мку.

— Эта некалі запойны там былі — ў карчомцы.

6 пример. Сядзі, сядзі, Яшчар, на золаця крэсла (колядная). Зап. эксп. БГАМ в 1987 г. в д. Коробы Ошмянского р. Гродненской обл. от Сазанович А. Г., 1898 г. р. (ФЭ, 646264 / 231).

♩ = 93

1. [Вой, ха-дзі-ла] па-ва на ба-ло-ці.
Во-й(і), ра-на, ра-на, па ба-ло-ці.
2. Вой, збі-ра-ла па-ва да для я-йка.
Вой, ра-на, ра-на, да для я-йка.

7 пример. (Вой, хадзіла) пава па балодзі (колядная девушка). См. комментарий к № 6 (ФЭ, 646264 / 230).

♩ = 104

1. У-стань ра-на, пі-ра-нё-ла-чка,
у-ста-нь ра-на, ма-ла-дзе-н(і)-ка-я.
2. (і)Вот я і ўста-ла, пі-ра-нё-ла-чка-мі,
вот я і ўста-ла, ма-ла-дзе-н(і)-ка-я.
3. У-мый бе-ла лі-ца, пі-ра-нё-ла-чка,
у-мый бе-[ла] лі-ца, ма-ла-дзе-н(і)-ка-я.

8 пример. Устань рана, пірапёлачка (колядная девушка). См. комментарий к №. 6 (ФЭ, 646264 / 228).

♩ = 173

Я-шчар, па-но-чык, а-ддай вя-но-чык,
што я ві-ла,
што я пля-ла,
ле-та, зі-му,
чу-ра, ла-ся,
ха-ва, ла-ся,
ад-та, ту-лькі,
ад-ма, ту-лькі.

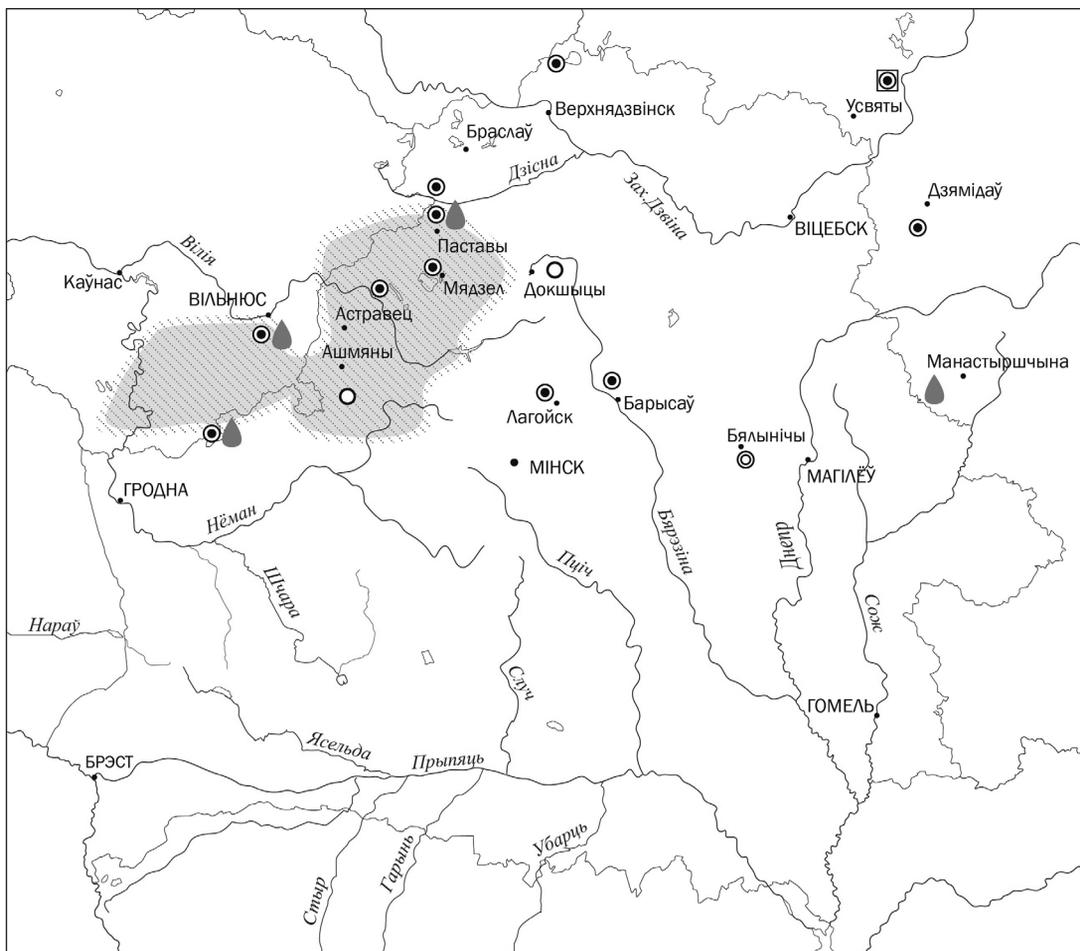
Я-шчар, па-но-чык, а-ддай вя-но-чык!

9 пример. Яшчар—паночык, аддай вяночык. См. комментарий к №. 1.

♩ = 176

Су-бо-та-чка су-бо-р(ы)-на-я на-ста-ла,
су-бо-та-чка су-бо-р(ы)-на-я на-ста-ла.

10 пример. Суботачка субор(ы)ная настала («свадебная, как собираются в субботу»). См. комментарий к №. 1 (ФЭ, 646488 / 26).

Карта распространения напевов «Ящера»

- Тип I
- Тип II
- ⊙ Тип III (местный напев)
- ☹ Напевы «выплакивания венка».
- ▨ ареал напевов типа I (по Žičkienė 2011: 28)

Выводы

Как показывает проведенный анализ, напевы «Ящера» вбирают интонационность, типичную для колядных поздравительных напевов западного Поозерья, что, с одной стороны, показывает закономерность интонационного единства игрового комплекса колядного периода на уровне локальной музыкально-стилевой системы, а с другой – подтверждает открытость системных связей между календарными в строгом смысле и календарно приуроченными внеобрядовыми песенными формами. Динамическая связь между разными уровнями календарно-песенной системы раскрывается на материале напевов «Ящера» сквозь призму механизма игры. Формы интонационного отражения образности колядного праздника в поздравительных

и игровых напевах связаны в границах локальной песенной традиции западного Поозерья с собственным припевочно-танцевальным воплощением.

Напевы второй группы «Ящера» закрепляют образность и музыкальную стилистику монологических высказываний «песенного календаря». Среди непосредственно «использованных» в напевах ладоинтонационных и ритмических моделей – свадебная лирика «зборнай суботы», свойственная традиции запада Белорусского Поозерья, а также более обобщенные интонационно-ритмические «знаки» белорусского календарного мелоса с заговорной, речитативно-сказовой семантикой.

В результате рассмотрения напевов «Ящера» можно утверждать, что в их мелодической форме отразилась внутренняя оппозиционность этой зимней

хороводно-игровой песенной формы, которая имеет не только структурно-композиционное разделение на две части, но и закрепленность в каждой из них самостоятельных ритмических формул, отмечена образно-эмоциональным разнообразием последних с преобладанием в каждой двигательного или речевого начала. Напевы «Ящера» идентифицируются как тип. При этом факт комбинирования элементов, заимствованных из типовых календарных и свадебных напевов, становится действенным фактором мелодического подключения «Ящера» к широкому массиву обрядово значимого мелоса календарно-земледельческого и семейно-родового циклов, что раскрывает и саму игру «Ящера» как явление древнее, принадлежащее к раннетрадиционной культуре.

Мелогеографический аспект темы обуславливает особое внимание к напевам западноозерско-дзукского локуса по линии Поставы-Ошмяны-Варена. По результатам наблюдений Аушры Жичкене, эти территории маркированы различными типами календарных напевов – колядных, волочечных, игровых («Ящера» и «Женитьба Терешки»), весенне-купальских, юрьевских, жнивных, а также свадебных напевов, ареалы которых отличаются по своей конфигурации. Однако все они соотносятся с территорией, на которой проходит западная граница распространения белорусских говоров (по Е. Карскому). Можно также высказать предположение, что интерпретация картины календарно-песенных традиций данных территорий может быть соотнесена с выводами этнолингвистов о границе между центральным и периферийным (т.н. внешний балтийский пояс) ареалами балтийских говоров.

Ссылки

- 1 Зап. от Гринкевич А. М., 1935 г. р., в д. Гайна [эксп. 1996 г. И. Назиной; личный архив собирателя]. Все аутентичные комментарии и рассказы даются в переводе на русский язык.
- 2 Факт возобновления «Ящера» в постовый период (адвент) подтверждается описаниями XIX в. (Довнар-Запольский 1893), а также современными фиксациями на территории Беларуси (Традиционная мастацкая культура беларусаў 2006: 275) и Листувы (Lietuvių liaudies dainynas 2007: 386–393). В 1994 г. такая информация в форме устного сообщения впервые была получена автором статьи от Д. Урбанавичене.
- 3 Припев «Гэй, на моры!» повторяется после каждого полустушия.
- 4 Зап. в д. Курополье Поставского р. Витебской обл. [эксп. 1993 г. Т. Беркович; Фоноархив этномызыки Белорусской государственной академии музыки – далее ФЭ, 646487/4].
- 5 Изучение «Ящера» на русском этнографическом материале подтверждает факт его бытования на протяжении весенне-осеннего периода как принадлежащего игровому комплексу совершеннолетней молодежи (Бернштам 1986; Бернштам 1990).
- 6 Зап. от Гринкевич А. М., 1935 г. р., в д. Гайна [эксп. 1996 г. И. Назиной; личный архив собирателя].

- 7 Зап. от Карнилович К. И., 1933 г. н., в д. Дедино Докшицкого р. Витебской обл. [эксп. БГАМ 1998 г. под рук. Т. Беркович; ФЭ, 646599].
- 8 Многие исследователи, и, в частности, С. Серов, отмечают подчеркнутую «антипраздничность» постового периода как принадлежащего сакральному времени, его противоположную по сравнению с карнавалом знаковую (Серов 1983: 51).
- 9 Вот некоторые данные мифологии: уже в эпоху мезолита существовал миф об охоте божества воды на оленя и приношении богу воды жертвы в виде оленя (Голан 1994: 77); в ряде белорусских заговоров фигурирует Ящер (Сливень), который лежит «на океане» под ясенем (Замовы 1992).
- 10 Про иные обрядовые формы с той же семантикой см. в работе Н. Толстого (Толстой 1979). По сообщению этнохореолога Д. Урбанавичене, девушки входят во время игры в комнату, где сидит главный герой, из-за дверей. Таким образом закрепляется пространственная оппозиция двух миров. [Специфике хореографии календарных игр посвящено специальное исследование Д. Урбанавичене (Urbanavičienė 2000)].
- 11 По информации А. Лозко, повторная запись игры была сделана им «по следам» К. Мошинского в д. Дяковичи Житковичского р. Гомельской обл. [бывший Мозырский повят] (Гульні, забавы, ігрышчы 1996: 32).
- 12 И. Сербов фиксирует «Ящера» на территории расселения белорусов-сакунов в верхнем течении реки Птич и ее притока Аресы. Поселения сакунов, рассмотренные И. Сербовым (Сербов 1915), находятся на пограничье современных Осиповичского района Могилевской области и Стародорожского района Минской области.
- 13 При описании коллекции О. Коальберга «Беларусь-Полесье», в которую включена запись «Ящура», сделанная «около Гродно в Сапоцкине», Г. Тавлай называет именно Могилевщину территорией преимущественного распространения «архаичного и известного сегодня как раритет хоровода «Яшчар»» (Белорусская этномызыкология 1997: 59).

Литература

- Federowski Michał, *Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905*, Vol. 1: *Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wolkowskaja, Slonima, Lidy i Sokolki*, Kraków, 1897.
- Lietuvių liaudies dainynas*, Vol. 20: *Kalendorinių apeigų dainos*, Kn. 1: *Advento–Kalėdų dainos*, parengė Jurgita Ūsaitytė, melodijas parengė Aušra Žičkienė, Bronė Stundžienė (vyr. red.), Vilnius: LLTI, 2007.
- Moszyński Kazimierz, *Polesie wschodnie. Materjały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mosyrskiego oraz z powiatu rzeczywickiego*, Warszawa: Kasa Mianowskiego, 1928.
- Urbanavičienė Dalia, *Lietuvių apeiginė etnochoreografija*, Vilnius: Lietuvos muzikos akademija, 2000.
- Žičkienė Aušra, Daugialypė kultūrų jungtis: apeiginės rytų Lietuvos ir šiaurės vakarų Baltarusijos dainų melodijos, in: *Liaudies kultūra*, 2011, No. 3 (138), pp. 26–39.
- Алексютрович Лариса, *Белорусские народные танцы, хороводы, игры*, Минск: Вышэйшая школа, 1978.
- Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры: Мінская вобласць*, укладальнік Васіль Ліцвінка, укладальнік музычнай часткі Галіна Кутырова, Минск: Універсітэцкае, 1995.

- Беларускія народныя песні, у 4 т., Т. 3: Вясянкі, валачобныя і юраўскія. Купальскія, пятроўскія, жніво і дажынкi. Яравое жніво і восень. Калядныя і масленічныя, запіс Рыгора Шырмы, Мінск: Дзярж. выд. БССР, 1962.
- Белорусская этномузыкология: Очерки истории (XIX–XX вв.), Зинаида Можейко, Тамара Якименко, Тамара Варфоломеева и др., под редакцией Зинаиды Можейко, Минск: Тэхналогія, 1997.
- Бернштам Татьяна, *К реконструкции некоторых русских обрядов совершения летия*, in: *Советская этнография*, 1986, No. 6, сс. 24–35.
- Бернштам Татьяна, *Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх «Яцёр» и «Олень» (Опыт реконструкции)*, in: *Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры*. Ленинград: Наука, 1990, сс. 17–36.
- Бессонов Петр, *Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта*, Вып. 1: *Песни обрядовые*, Москва: Типография Бахметева, 1871.
- Богданович Адам, *Пережитки древняго міросозерцання у белорусов: этнографічскі очерк*, Мінск: Беларусь, 1995. (Рэпринтнае выданне 1895 г.)
- Бярковіч Таццяна, *Песенна-гульнявыя дзеі перыяду сонцавароту ў этнамузычнай традыцыі беларусаў*, Мінск: Беларускае дзяржаўнае акадэмія музыкі, 2015.
- Бярковіч Таццяна, «*Яцхар*» як песенна-гульнявая дзея зімовага перыяду, in: *Беларускі музычны фальклор у даследаваннях маладых этнамузыкалагаў*: зборнік артыкулаў, вып. 2, укладальнік і адказны рэдактар Тамара Якіменка, Мінск, Беларускае дзяржаўнае акадэмія музыкі, 1996, сс. 45–63.
- Варфаламеева Тамара, *Песні Беларускага Панямоння*, Мінск: Беларускае навук, 1998.
- Варфоломеева Тамара, *Северобелорусская свадьба: обряд, песенно-мелодические типы*, Минск: Наука и техника, 1988.
- Гоан Ариэль, *Миф и символ*, 2-е издание, Москва: Руслит, 1994.
- Гульні, забавы, ігрышчы, складальнік Алесь Лозка, 2-е выданне, Мінск: Беларускае навук, 1996.
- Довнар-Запольский Митрофан, *Заметки по белорусской этнографии*, in: *Живая старина*, Санкт-Петербург, 1893, выпуск 2, сс. 283–296.
- Еремина Валерия, *Ритуал и фольклор*, Ленинград: Наука, 1991.
- Зайкоўскі Эдвард, *Вільня і беларускі космас*, in: *Беларусіка=Albanithenica*, Кн. 3, рэдактар Адам Мальдзіс (і інш.), Мінск: Навука і тэхніка, 1994, сс. 420–426.
- Замовы, АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, укладальнік Галіна Барташэвіч, Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
- Зімовыя песні: *Калядкі і шчадроўкі*, АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, укладанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарыі Антона Гурскага, укладанне, сістэматызацыя, характарыстыка і рэдагаванне напеваў Зінаіды Мажэйкі, рэдактар Міхаіл Грынблат, Мінск: Навука і тэхніка, 1975.
- Иванов Вячеслав, *Змей*, in: *Мифы народов мира: энциклопедия*, в 2 т., Т. 1, главный редактор Сергей Токарев, Москва: Российская энциклопедия, 1994, сс. 468–471.
- Иванов Вячеслав, Топоров Владимир, *Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах*, in: *Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Протта (1895–1970)*, Москва: Наука, 1975, сс. 44–76.
- Иванов Вячеслав, Топоров Владимир, *Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции мифов*, Москва: Наука, 1974.
- Календарныя обычаі і обряды в странах зарубежной Европы: *Исторические корни и развитие обычаев*, редакционная коллегия: Сергей Токарев (отв. ред.) и др., Москва: Наука, 1983.
- Карский Ефим, *Белорусы: Очерки словесности белорусского племени*, Т. 3, Вып. 1, М., 1916.
- Мажэйка Зінаіда, *Напевы зімовых песень: Сучасны стан, тыты калядных напеваў і раёны іх паширэння*, in: *Зімовыя песні: Калядкі і шчадроўкі*, Мінск: Навука і тэхніка, 1975, сс. 28–50.
- Мажэйка Зінаіда, *Песні Беларускага Паазер'я*, Мінск: Навука і тэхніка, 1981.
- Народны тэатр, НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; укладанне і каментарыі Міхаіла Каладзінскага, уступны артыкул Анатоля Фядосіка, рэдактары выдання Анатоля Фядосік, Анатоля Сабалеўскі, 2-е выданне, выпраўленае і дапрацаванае, Мінск: Беларускае навук, 2004.
- Пропп Владимир, *Ритуальный смех в фольклоре*, in: *Пропп Владимир, Фольклор и действительность: избранные статьи*, составление, редакция, предисловие и примечания Бориса Путилова, Москва: Наука, 1976, сс. 174–204.
- Пропп Владимир, *Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования*, Санкт-Петербург: Терра – Азбука, 1995.
- Романов Евдоким, *Белорусский сборник*, в 9 вып., Вып. 8: *Быт белоруса*, Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912.
- Рыбаков Борис, *Язычество древних славян*, Москва: Наука, 1981.
- Салавей Лія, *Пантэон багоў у міфалогіі беларусаў*, in: *Спадчына*, 1992, No. 3, сс. 61–66.
- Сербов Исаак, *Белорусы-сакуны: краткий этнографический очерк*, in: *Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, Т. 94, Сб. I, Санкт-Петербург, 1915.
- Серв Сергей, *Календарный праздник и его место в европейской народной культуре*, in: *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев*, ответственный редактор Сергей Токарев, Москва: Наука, 1983, сс. 39–54.
- Тоастой Никита, *Элементы народного театра в южнославянской святочной обрядности*, in: *Театральное пространство: материалы научной конференции (Москва, 1978)*, Москва: Советский художник, 1979, сс. 308–326.
- Тоастой Никита, *Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва: Индрик, 1995.
- Традиционная музыка Русского Поозерья (по материалам экспедиций 1971–1992 гг.), составление и комментарии Елены Разумовской, Санкт-Петербург: Композитор, 1998.
- Традиційная мастацкая культура беларусаў, у 6 т., Т. 1: *Магілёўскае Паднятроўе*, Тамара Варфаламеева (і інш.), Мінск: Беларускае навук, 2001.
- Традиційная мастацкая культура беларусаў, у 6 т., Т. 2: *Вицебскае Падзвінне*, Тамара Варфаламеева (і інш.), Мінск: Беларускае навук, 2004.
- Традиційная мастацкая культура беларусаў, у 6 т., Т. 3: *Гродзенскае Панямонне*: у 2 кн., Кн. 2, Алена Боганева (і інш.), аўтар ідэі Тамара Варфаламеева, агульная рэдакцыя Тамары Варфаламеевай, Мінск: Вышэйшая школа, 2006.
- Чичеров Виктор, *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков: очерки по истории народных верований*, in: *Труды ин-та этнографии им.*

- Н. Н. Миклухо–Макляя. *Новая серия*, Т. 40, Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957.
- Чубинский Павел, *Труды этнографическо–статистической экспедиции в Западно–Русский край*, Т. 3, Санкт–Петербург, 1872.
- Чурко Юлия, *Белорусский хореографический фольклор*, Минск: Вышэйшая школа, 1990.
- Шейн Павел, *Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний*, Санкт–Петербург: Типография Майкова, 1874.
- Шейн Павел, *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо–Западного края*, Т. 1: *Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях*, Ч. 1, Санкт–Петербург: Типография Императорской академии наук, 1887.
- Ященко Валентина, *Хороводные традиции Могилевского Поднепровья*: автореф. дис. ... канд. искусств.: 17.00.02, Минск, Белорусская государственная академия музыки, 2002.

Summary

In the calendar-agricultural tradition of Belarusian song-playing form *Yashcher* belongs to the non-ritual sphere of winter celebrations, reflects its typical manifestations, and is semantically and symbolically the most important.

The conducted systematization of the ethnographic fixations according to the 19th and 20th centuries, allows us to define mainly *kolyadnyuy* / Christmas (wider – winter) confinement of *Yashcher* (confirmed for today by the bulk of fixations) at relative interseasonal mobility of this game, from the one side, and tendency of its exit in a non-calendar sphere – with another.

Winter advent confinement of *Yashcher* stipulates an analysis of different levels of playing “text” (among them is the mythological content of the game, game action and its realization through the space, choreographic, plastic, verbal, own songs components), that fasten the anti-festive signedness of abstention time.

As a result of consideration of tunes of *Yashcher* it can be asserted that in their melodic form the internal opposition of this winter round-playing song form reflected with fixing in each of both, different in a figuratively-emotional plan, parts of independent rhythmic formulas with predominance in each motive or speech beginning. Among the tunes of the first part of game on the complex of signs (the form of verbal and melodic verse, syllabic structure of verse, music and rhythmic form) three song-melodic types are distinguished. The tunes of the second part are not identified as a type. An imagery and musical stylistics of monologue expressions of “song calendar” are fastened in them. The fact of combining of the elements borrowed from the standard calendar (*kolyadnyh* / Christmas tunes, *maslenichnyh* / Shrovetide tunes) and wedding tunes becomes the effective factor of melodic “connection” of

Yashcher to the wide array of ritual meaningful melodies of the agricultural calendar and tribal-family cycles, that reveals the game itself as an ancient phenomenon, belonging to the early traditional culture.

Santrauka

Baltarusių kalendorinės-agrikultūrinės tautosakos tradicijoje dainų ir žaidimų forma „Jaščer“ priklauso neapeiginei žiemos saulėgrįžos švenčių sferai, atspindi jos tipines apraiškas, reikšmingas savo semantika ir simbolika. Susistemintus XIX–XX a. etnografines fiksacijas, „Jaščer“ formą galima apibrėžti kaip būdingą daugiausia kalėdiniam (plačiau – žiemos) laikotarpiui (tokį apibrėžimą šiandien patvirtina dauguma fiksacijų), nors jai taip pat būdingas tam tikras sezoninis mobilumas, o antra vertus – tendencija peržengti kalėdinės tautosakos ribas.

Žanro priklausomybė žiemos-advento laikotarpiui skatina nagrinėti įvairius žaidybinio „teksto“ lygmenis (tokius kaip mitologinis žaidimo turinys, veiksmas ir jų realizacija pasitelkiant erdvinius, choreografinius, plastinius, verbalinius ir vokalius elementus), įvirtinančius nešventinį pasninko laikotarpio simbolikos pobūdį.

Išanalizavus „Jaščer“ dainų pavyzdžius, galima tvirtinti, kad jų melodinė išraiška atspindi šios žiemos laikotarpio dainų ir žaidimų formos vidinį dvilypumą, atsiskleidžiantį dviejų atskirų formos padalų ritmo formulėse. Jos skiriasi ne tik asociatyviniu-emociniu turiniu, bet ir tuo, koks pradas jose vyrauja – judėjimo ar kalbamasis. Pagal įvairius požymius (posmų ar melostrofų formą, eilučių silabinę struktūrą, muzikinę ir ritminę formą) pirmoje šių dainų-žaidimų melodijų padalose išskiriami trys melodiniai tipai. Antros padalos melodijos nėra identifikuojamos kaip tipas. Joms labiau būdinga monologinė-pasakojamoji „kalendorinių dainų“ stilistika ir su ja susiję vaizdiniai. Tačiau pats faktas, kad šiose melodijose derinami tipiniai kalendorinių (Kalėdų, Užgavėnių) ir vestuvinių dainų elementai, tampa reikšmingu veiksniu, leidžiančiu įžvelgti „Jaščer“ melodijų giminingumą nepaprastai gausiam apeiginio pobūdžio melosui, susijusiam su kalendoriniais, agrikultūriniais ar šeimos, genties gyvenimo ciklais. Tai taip pat rodo ypač seną žaidimo „Jaščer“ kilmę, priklausomybę seniausiam tradicinės kultūros sluoksniui.

Melodinės „Jaščer“ dainų formos fiksuojamos nuo vakarinės Baltarusijos Paežerės regiono ribos iki šiaurinės Panemunės dalies – tai teritorija, kurioje išlikusios mažiausiai pakitusios dainų formos ir priklausomybė žiemos laikotarpio tautosakai. Ypač įdomios dainos aptinkamos vakarų Paežerės ir Dzūkijos lokuse (Pastovys–Ašmena–Varėna). Šioje teritorijoje gausu įvairių tipų kalendorinių ir vestuvinių dainų, kurių paplitimo arealai sutampa su vakarine gudų tarmių paplitimo riba (remiantis E. Karskio duomenimis).